
ПАМЯТИ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

*Чувствую, что смутно выражаю смутные мысли,
бродящие в голове моей по поводу исчезновения
с лица земли близкого и хорошего человека.*

(Из письма П.И. Чайковского Н.Ф. фон Мекк
16/28 марта 1881 г).

Писать про Галину Михайловну Андрееву, ГМ, как называли Галину Михайловну в ближайшем окружении, в прошедшем времени очень трудно. Теперь, когда постепенно приходит осознание, что уже нельзя больше послушать лекцию ГМ на психологическом факультете МГУ, обсудить с ней какую-то новую статью или книгу, рассказать о последней конференции Европейской ассоциации социальной психологии или просто так набрать номер телефона и поговорить с ГМ, а потом услышать: «Приезжайте ко мне, давайте обсудим». Тем для бесед было всегда много, где бы эти беседы ни проходили — на кафедре, дома у ГМ, по дороге к остановке троллейбуса на Воздвиженке, в санатории «Узкое», где ГМ любила проводить зимние каникулы, а мне повезло приехать туда для обсуждения диссертации, а потом и проблем постмодернизма в социальной психологии... Каждый раз было немного досадно, что так быстро пролетело время, что на сегодня ставится много-точие, хотя я знала, что впереди будет продолжение. И вдруг эти беседы прервались, наступила оглушающая тишина, возникла пустота, которая, словами Л. Лунгиной, уже никогда не заполнится. А ведь думалось, что есть время для реализации задумки ГМ о создании своего рода хрестоматии, приложения к учебнику по социальной психологии, где бы подробно рассматривались зарубежные классические эксперименты. Все необходимые материалы были уже собраны, вместе с выпускниками кафедры делались переводы... Не было сомнений, что есть время для обсуждения современной социальной психологии и многого другого.

Возможность быть ученицей Г.М. Андреевой, написать курсовую, диплом и диссертации под ее руководством — это фантастическое везение. Темы курсовых ГМ не предлагались второкурсникам, так что я выбрала В.С. Агеева. Но так случилось, что В.С. Агеев уехал преподавать в американский университет. На четвертом курсе, осенью 1993 г., у меня не было ни малейшего сомнения, у какого научного руководителя я хотела бы писать курсовую, но определенное волнение (согласится ли ГМ?) конечно, было. Интересных научных руководителей на кафедре было много, но ГМ — была одна. К счастью, она согласилась стать моим научным руководителем. И вот это взаимодействие продолжалось двадцать лет. Это была для меня та самая социальная психология, про которую ГМ рассказывала в своих лекциях, в действии. ГМ всегда просила придумать пять вариантов названия работы, а дальше мы обсуждали каждый. В обсуждениях происходили инсайты, которые позволяли понять, как сформулировать тему работы, помогали продвигаться в исследовании.

На психологическом факультете начала 1990-х гг. многие дисциплины было очень интересно слушать, но в курсах, которые читала ГМ, было нечто замечательное. Юмор лектора, редкое сочетание ума, гигантского запаса знаний — причем не только по социальной психологии, необыкновенная личность — все это, несомненно, выделяло и отличало ГМ от других. Дело еще, конечно, и в том, что ГМ была лично знакома с такими зарубежными социальными психологами, как Л. Стрикленд, К. Грауманн, С. Московиси, Г. Тэшфел, Р. Фарр, И. Маркова, К. Хелкама, Ф. Зимбардо, Р. Зайонц, В. Дуаз, Т. Манстед, Я. Яноушек, А. Маммендай и многими-многими другими. Таким образом, мы получали на лекциях не просто абстрактное знание, но личностно окрашенное, ибо ГМ была не просто знакома с их работами, встречалась с авторами теорий и концепций на различных конференциях, а со многими из них имела теплые и дружеские отношения. Заметим, что в начале 1990-х гг. студентам не были доступны все те переводные западные учебники по социальной психологии, не было тех возможностей, которые открываются сейчас, учебники просто еще не перевели, какие-то статьи на английском мы просили у авторов. Так вот курсы, которые читала ГМ, были современными, мы узнавали не только про отечественную социальную психологию, но про европейскую и американскую традиции, про истории развития дисциплины в целом. Оказавшись позже в летних школах с аспирантами из различных стран мира, организованных Европейской Ассоциацией Экспериментальной Социальной Психологии (тогда ассоциация имела первоначальное название), а также различными европейскими университетами и Домом наук о человеке, я радовалась тому, что мне посчастливилось очень многому научиться у ГМ и, конечно, на кафедре социальной психологии, которую создала ГМ на психологическом факультете.

Если бы ГМ задумала написать книгу в серию «Мой двадцатый век», то туда вошло бы много событий века двадцатого, в которых ГМ принимала участие: это и война, развитие социологии и социальной психологии, создание кафедр — сначала кафедры методики конкретных социальных исследований, а потом нашей — социальной психологии... ГМ создала школу социальной психологии, написала ряд учебников, читала лекции в зарубежных университетах. Может ли кто-то сказать, сколько студентов учились у ГМ за 60 лет преподавания в Московском университете? Это только о дипломниках, кандидатах и докторантах есть точные данные, и мне посчастливилось попасть в эти три категории.

Д. Картрайт в своей статье о «Современной социальной психологии в исторической перспективе» (1979) говорил о том, что если бы его попросили назвать одного человека, который оказал самое большое влияние на развитие социальной психологии, то он бы назвал А. Гитлера [2]. Он приводит ряд аргументов, среди которых, например, то, что до конца 1970-х гг. война определила направление развития социальной психологии (с высоты сегодняшнего дня можно сказать, что осмысление того, что происходило во время Второй мировой войны продолжается и в настоящее время), демографический состав поля социальной психологии, интенсифицировала рост социально-психологического знания. К этим аргументам можно добавить и еще один. Из биографий крупнейших социальных

психологов известно, что война изменила направленность интересов Г. Тэшфела и С. Московиси (в каждом случае была своя специфика, но так или иначе — именно война, события связанные с ней, повлияли на выбор в пользу социальной психологии). Война наложила свой отпечаток на ГМ, до начала войны она подала документы на физический факультет, желая обучаться там, а вернувшись с фронта, поступила на философский, стремясь «проверить цену всех наивных представлений, сложившихся во время войны», как пишет Галина Михайловна в своих воспоминаниях о войне [1], позже ГМ создала не только кафедру социальной психологии, но саму социальную психологию в нашей стране.

ГМ научила меня социальной психологии, влюбила в эту дисциплину, определила профессиональную картину мира и идентичность, показала пример отношения к людям и не только. Ведь суть двадцати лет взаимодействия, смысл бесед выходили далеко за рамки обсуждения только исследовательских вопросов или квалификационных работ. Это были размышления о социальной психологии в целом, вопросы о личности и ситуации, на которые К. Левин и С. Милграм искали ответ в экспериментальных исследованиях, о социальной реальности и ее конструировании, о месте языка в социальной психологии, о том, какой должна быть социальная психология теперь;.. это были воспоминания ГМ о войне и о «социологических дру́жках», единомышленниках и первопроходцах отечественной социологии — В.А. Ядове, И.С. Конне, Ю.А. Леваде, Г.Г. Дилигенском.

С уходом ГМ остро ощущается, что социальная психология осиротела. И так трудно смириться с тем, что все теперь стало фактом истории. Светлая память!

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андреева Г.М.* Радист на фронте — дело не только сложное, но и чрезвычайно ответственное // *Мир психологии*. — 2005. — № 2. — С. 10—11. [*Andreyeva G.M.* Radist na fronte — delo ne tolko slozhnoye, no i chrezvychayno otvetstvennoye // *Mir psikhologii*. — 2005. — № 2. — S. 10—11.]
- [2] *Cartwright D.* Contemporary social psychology in historical perspective // *Social Psychology Quarterly*. — 1979. — 42 (1). — P. 82—93.

Доктор психологических наук,
профессор Московского городского
психолого-педагогического университета
И.Б. Бовина